

За ужином Лин Си рассказал Хо Цзюю о странном поведении Хо Чанъяня. Палочки в руке Хо Цзюя на миг застыли в воздухе, брови слегка сошлись:

— Завтра с утра спущусь в деревню, расспрошу.

Лин Си кивнул и, не удержавшись, добавил с любопытством:

— Хотя твой брат тоже довольно высокий и крепкий, вы с ним совсем не похожи.

Хо Цзюй не придавал этому значения:

— Мы между собой вообще не слишком похожи. У меня есть сестра, Хо Нин, они с Чанъанем двойняшки. С детства не были похожи, и деревенские любят судачить на эту тему.

— А, разнаяцевые близнецы, — пробормотал Лин Си, откусив кусок куриной ножки.

Услышав незнакомое слово, Хо Цзюй чуть нахмурился:

— Это что значит?

Лин Си приоткрыл рот, но, подумав, замялся:

— Эм... это опять упрётся в целую кучу вещей, о которых ты ещё не знаешь. Если объяснять как следует, мы до утра не закончим.

Хо Цзюй какое-то время молча смотрел на него, а потом тихо произнёс:

— Ты много чего знаешь.

Лин Си ухмыльнулся и намеренно принял снисходительный тон:

— Так, пустяки... Просто эрудиция на уровне: знаю прошлое и настоящее, сверху - астрономия, снизу - география.

— Ты действительно забавный, — без всякого выражения произнёс Хо Цзюй.

Лин Си не уловил сухую иронию и развеселился:

— Ты мне не веришь.

Хо Цзюй продолжал спокойно ужинать и рассеянно добавил:

— Верю. Ты же у нас великий знаток, только серебряные монеты не узнаёшь.

Лин Си: «...»

— По лицу не бьют, — возмутился он. — Ты с порога напоминаешь мне о самом болезненном! Между прочим, теперь-то я всё узнаю.

Если бы Хо Цзюя забросить в его эпоху, он, возможно, был бы не так хорош, как Лин Си.

После пары шуток они доели ужин, Лин Си вымыл чашки, затем, прихватив корзину, направился к реке, обернувшись:

— Я собираюсь искупаться. Пойдём вместе?

Хо Цзюй как раз пил отвар и едва не подавился:

— Кх... Я позже подойду.

Лин Си искренне не мог понять, чего тут стесняться. Он ведь всё уже видел, и что положено, и что нет. Да и у Хо Цзюя имеется всё то же самое.

— Ладно, — Лин Си не стал принуждать Хо Цзюя: не время ему сейчас напрягать «маленького Хо».

Проводив Лин Си взглядом, Хо Цзюй тяжело выдохнул - уши у него горели, будто раскалённые. Для него откровенная раскованность Лин Си всё ещё была слишком... он просто не мог это выдержать.

Он опустил взгляд в чёрную поверхность отвара: сейчас ему нужно пить лекарства, беречь силы, держать тело в покое и главное - не возбуждаться. Иначе все пять лян серебра, ушедшие на лекарство, пропадут зря. Вот когда он вылечит ногу, тогда уж, если Лин Си позовёт, он пойдёт.

Он ещё не знал, что к тому времени будет уже поздно: Лин Си давно привыкнет купаться один и звать его перестанет.

— Отросли... — пробормотал Лин Си, отжимая волосы. Длина уже позволяла их складывать.

Неудивительно, что в последнее время ему так мешала чёлка - волосы незаметно отросли до

такой степени. В этом древнем мире есть один недостаток: волосы нельзя просто так взять и подстричь. Летом с длинными волосами невыносимо жарко. И к тому же Лин Си, в отличие от Хо Цзюя, вовсе не умел нормально причёсываться. Даже элементарно связать волосы лентой и то было для него пыткой: пару раз он затягивал узел так, что получалась мёртвая петля, и приходилось разрывать её грубой силой.

На ходу выполоскав мокрую, только что снятую одежду, Лин Си взял один из кусочков соснового мыла, проверил - оно уже застыло и вполне годилось к использованию. Эх, будь у него дистилляционный аппарат, можно было бы и эфирных масел наварить. Вот бы красота была...

С корзиной в руке он зашагал обратно. Чёрные волосы свободно рассыпались по плечам, капли воды стекали по влажной, нежной коже шеи. На нём висел свободный халат, запахнувшийся на ходу, обнажая ослепительно белый участок кожи - в лунном свете невозможно было понять, что светлее: она или сама луна.

Хо Цзюй резко отвернул голову и едва не пропустил предмет, который Лин Си бросил ему. Он вслепую поймал его широкой ладонью.

— Сосновое мыло? — Хо Цзюй поднял взгляд и столкнулся с лицом Лин Си совсем рядом... и снова тут же отвёл глаза.

Теперь Лин Си заметил его поведение. Недоумевая, он наклонился ближе:

— Ты чего от меня уворачиваешься?

Тёплое дыхание юноши коснулось края уха. Уши Хо Цзюя мгновенно запылали; ноздри наполнились чистым свежим ароматом. Он незаметно сжал кулак, подавляя реакцию, и процедил через зубы:

— Не уворачиваюсь.

— А? — Лин Си приподнял бровь и, не дав ни секунды предупреждения, взял Хо Цзюя за подбородок и повернул его голову к себе, заставляя смотреть прямо, почти вплотную, на расстоянии всего двух пальцев.

Зрачки Хо Цзюя расширились, кадык дёрнулся, тяжело перекатываясь вверх... Он почувствовал, как по спине у него ручьём стекает пот. На такой близкой дистанции он различал не только свежий аромат соснового мыла на коже Лин Си - он видел каждую густую ресницу, видел сияние в тех чистых, влажных, как весенние ручьи, глазах. Будто в груди у него завёлся крошечный человечек, который, не зная усталости, отплясывал вовсю, да так лихо, что сердце грохотало в рёбра.

Взгляд сам собой скользнул к губам Лин Си - мягким, слегка напрягшимся, переливающимся нежной краснотой. Он думал, что успел забыть их вкус... но стоило вспомнить, и воспоминание накрыло мгновенно: мягкие, сладкие, нереальные, лучше всякого вина.

Дыхание сбилось. Он медленно, почти неосознанно потянулся вперёд, ближе... ещё ближе к этим губам, что будто сами звали к себе.

Но...

— Жарко. Ты чего так близко подлез? — Лин Си упёрся ладонью Хо Цзюю в грудь и оттолкнул его назад.

— Я же только что искупался. Не заставляй меня снова потом покрываться, — Лин Си недовольно пробурчал, как будто вовсе не замечал, какой накал витает в воздухе, и одним движением легко оборвал порыв Хо Цзюя.

Жар, словно огненная волна, взметнулся от ступней прямо к макушке. Хо Цзюй в ту же секунду осознал: похоже... он слишком много себе вообразил.

Высокого, крепкого мужчину Лин Си одним лёгким движением оттолкнул на пару шагов назад, и Хо Цзюй, будто ошпаренный, стремглав бросился в дом за чистой одеждой.

Лин Си с изумлением уставился ему вслед:

— Хромой... а бежит так быстро?

Он мрачно почесал затылок и пробормотал:

— И что у этих двух братьев за странная порода - один в один.

Шагнув к дому, он внезапно остановился и поднял голову. Сквозь густые кроны деревьев проглядывал тонкий серебристый месяц - холодный, чистый, как лезвие. Почему-то в голове всплыло услышанное когда-то выражение: «Какая сегодня прекрасная луна...»

Лин Си, абсолютно не склонного к романтике, вдруг осенило: Хо Цзюй так на него реагировал... Неужто...

В этот момент Хо Цзюй уже вышел из дома, опираясь на трость, стремясь пройти мимо. Но стоило им поравняться, как Лин Си резко перехватил его за запястье. Тёплая ладонь юноши легла на его кожу - тепло прошло под кожу, разлилось по венам и ударило прямо в сердце Хо Цзюя.

— Ты... — начал он, но Лин Си перебил, глядя прямо в глаза, ясно, прямо, без тени сомнения:

— Ты что, только что хотел меня поцеловать?

Гром среди ясного неба. Эти несколько слов обрушились на Хо Цзюя, словно пять молний разом - жар взвился до ушей, лицо вспыхнуло, будто его окатили кипятком. Как вообще может существовать такой человек, как Лин Си - такой прямолинейный, такой... не щадящий ничьей жизни и репутации!?

Лин Си чуть приоткрыл рот, опустил взгляд на запястье, которое держал, затем снова на перекошенное от стыда лицо мужчины и искренне, с неподдельным удивлением сказал:

— Ух ты... ты весь горюшь. Наверное, все сорок градусов.

Хо Цзюй резко, сердито вырвал руку и, опираясь на трость, буквально рванул прочь с такой скоростью, на какую был способен. Его крупная, обычно прямая спина сейчас выглядела до нелепости смущённой и растерянной.

Лин Си несколько секунд растерянно моргал ему вслед, а затем, сложив ладони рупором, громко крикнул:

— Если хочешь поцеловать, так и скажи! Чего стесняться? Я же не откажусь!

«Бах!» - ещё одно дерево стало жертвой ярости Хо Цзюя.

Добросердечный гражданин Лин Си, сидящий вдалеке и понятия не имеющий о масштабе катастрофы, дружески напомнил:

— Брат Хо, только не сломай трость. Мне завтра дом строить, некогда тебе новую делать.

Тьма вокруг была тиха и спокойна. Лин Си с удовлетворением кивнул: похоже, брат Хо всё-таки умеет слушать разумные советы. С этим светлым чувством он радостно пошёл спать - завтра ведь рано вставать, работать надо.

Он совершенно не знал, что его брат Хо простоял половину ночи у реки, метая камни и выбивая рыбу, а к полудню следующего дня у всех был настоящий рыбный пир.

Поскольку Хо Цзюй всю ночь был на взводе и толком не спал, о делах Хо Чанъаня он, естественно, напрочь забыл. Хо Чанъань, как и обычно, тихо работал, а Хо Чаншэн - здоровенный мужик с грубоватой натурой - и не думал лезть к нему с расспросами. В итоге всё выглядело так, будто ничего и не происходило, никто ни о чём не спросил.

Когда Лин Си подошёл к очагу попить воды, он обнаружил, что сегодня у печи не только две тётки... но и дядя Люй тоже тут.

Заметив взгляд Лин Си, дядя Люй неловко ему улынулся:

— Я... я помочь пришёл. Если... если ты против, я сейчас же уйду.

Он уже собрался было подняться. В этих местах существовало поверье: женщина или гер, пережившие выкидыш, не должны входить в чужой дом, иначе принесут хозяевам несчастье. Поэтому то, что Чжао Даньгуй согласилась приютить его в такую пору, вызывало у Люй Чжи бесконечную благодарность.

Лин Си отмахнулся, показывая, чтобы тот сидел:

— Раз ты хочешь помочь, это мне тебя надо благодарить. Ты только... выдержишь ли? Силы достаточно?

— Не надо, не надо меня благодарить. Со мной всё... всё в порядке, — дядя Люй поспешно замотал головой. — Овощи перебрать - это я могу.

Услышав, что Лин Си от него не воротит нос, он немного расслабился, улыбка стала естественнее.

— Люй Чжи человек упрямый, — вставила Чжао Даньгуй. — Я ему говорю: полежи, отдохни пару дней, а он ни в какую. Говорит, должен отплатить тебе за спасение жизни.

Лю Шуфэнь тоже поддержала:

— Точно, упрямый как осёл. Сердце доброе, вот тобой и помыкают. Впредь тебе бы пожётче быть.

Пока они говорили, Люй Чжи молча слушал, почти не вставляя слов. На измождённом лице была тихая, робкая улыбка.

Лин Си, глядя на эту улыбку, невольно задумался: как он вообще может улыбаться после всего, что пережил? Люди, оказывается, и хрупкие, и удивительно сильные.

— Дядя Люй, — сказал Лин Си, — разве ты сам не варил вино? Ты мог бы забрать его, продать и выручить хоть немного серебра.

Люй Чжи печально покачал головой:

— Они не позволят забрать. Хоть вино делал я, зерно-то хозяйское, семьи Цао.

Лин Си нахмурился:

— А если попросить деревенского старосту помочь?

Люй Чжи поспешно опустил взгляд. После того, что случилось в уезде, староста бегал за него повсюду: звал врачей, улаживал дела. Он уже и так доставил ему слишком много хлопот и не поднимется рука снова его тревожить. Да и он слишком хорошо знал своих свёкров: даже если староста вмешается и принудит их смягчиться, стоит ему уйти и они тут же передумают и выставят его за дверь снова.

Пока они разговаривали, издали вдруг примчался молодой гер, весь взмыленный, с испуганным лицом.

— Дядя Люй, бегите скорее! — он схватил Люй Чжи за руку и потянул прочь.

Лю Шуфэнь и Чжао Даньгуй поспешили удержать обоих.

— Эй! Что за паника? — воскликнула Чжао Даньгуй. — Что стряслось? Разве разбойники напали?

Мальчишка смахнул пот со лба, тараторя:

— Моя мать специально послала меня предупредить дядю Люй. Его отец с матерью снова собираются продать его! Все уже сговорено со свахой. Сейчас следом придут его забирать!

— Что?! — мир перед глазами Люй Чжи качнулся, потемнел; колени подогнулись, он едва не рухнул.

Чжао Даньгуй стремглав подскочила и подхватила его.

— Люй Чжи! Держись! Сейчас нельзя падать в обморок!

Лю Шуфэнь беспокойно затопала:

— Беги в дом моей матери, спрячешься там! Переждёшь, пока всё уляжется!

Молоденький гер тоже весь вспотел от страха и бега. Его мать сегодня брала его с собой сходить к соседке, что жила рядом с родительским домом Люй Чжи, спросить о вышивке. И как раз там она услышала, как за перегородкой родители Люй обсуждают со свахой... его новую

сделку. Они называли это браком, но в их устах это слово давно означало одно: продать.

Услышав такое, женщина до дрожи перепугалась и возмутилась, тотчас велела сыну бежать и предупредить Люй Чжи.

Третий раз.

Это уже третий раз, когда они хотят его продать.

И куда же теперь? Какому подонку? Какому головорезу?

На фоне общей суматохи один лишь Лин Си оставался совершенно спокойным, более того, у него даже нашлось время задать вопрос:

— Но ведь дядя Люй официально не развёлся с семьёй Цао? Разве это не будет... вторым браком?

Слова были непонятные - «второй брак» звучало для них слишком учёно, но мысль дошла мгновенно. Несколько человек аж просияли:

— Да ведь и правда! Люй Чжи не в разводе, как можно снова выдавать его замуж! Семья Цао точно не согласится.

Но сам Люй Чжи не осмелился бы сделать такие выводы. Цао уже вышвырнули его за порог. Им бумагу о разводе написать - что воды хлебнуть.

И тут, словно гроза, раздался визгливый, властный голос:

— Люй Чжи! Ты, дрянная сука! Я тебя по всей деревне обыскала! Живо домой, живо, говорю!

Мать Люй Чжи, широкоплечая и тяжёлая, подскочила к нему и схватила так, будто птицу из подворотни выдёргивала. Без малейшего усилия она тащила его, словно цыплёнка.

— Я ещё не получил от семьи Цао развода, — впервые в жизни Люй Чжи осмелился возразить матери. — Я всё ещё их невестка... Вы не имеете права снова меня продавать.

Мать вытаращила глаза, злоба у неё на лице заиграла чернее тучи:

— Тьфу на тебя! Семья Цао тебя из дому пинком выгнала, а ты всё мечтаешь за них цепляться? Да не смейся! Они о тебе и думать забыли!

Пока она тянула сына к себе, пытаясь уволочь прочь, со второй стороны налетела ещё одна пара рук - казалось, кто-то успел разнести слух, и старики из семьи Цао тоже примчались.

— Имя Люй Чжи всё ещё стоит в родословной нашей семьи Цао! Он не свободен, кто сказал, что он может снова выходить замуж?! — взвизгнула старая Цао, вцепившись в другую руку Люй Чжи и дёрнув его на себя.

Лицо матери Люй перекошило от ярости; она выплюнула слова, как стрелы:

— Ах ты старуха проклятая, теперь вдруг вспомнила, что он тебе нужен? Да вся деревня видела! Вы вдвоём, бесовские, выгнали из дома бедного ребёнка сразу после выкидыша - вы попросту хотели его уморить! А я, как его мать, не могу смотреть, как вы его губите. Я решила найти ему мужа, который хотя бы не будет его убивать!

Слюна брызгала, как дождь, и попадала прямо на лицо старухе Цао, но та только сильнее впиалась пальцами в измученного Люй Чжи.

Люй Чжи оказался зажат между двумя женщинами, которых уже и матерями-то назвать было трудно: его дёргали туда-сюда, словно тряпичную куклу. Никто не замечал, что его лицо бледнеет всё сильнее, губы стали белее бумаги.

Старуха Цао, сорвавшись на визг, обрушилась на мать Люй:

— Перестань прикидываться жалостливой матерью! Мы выгнали Люй Чжи, потому что он - курица, которая не может нести яйца! А вот вы, родив его, даже о его жизни не печётесь - выгнали за порог в такой момент! Вы его и убить готовы! С такой матерью ему действительно не повезло, проклятье семи поколений!

Мать Люй взвыла, собираясь снова наброситься на старую Цао, обе уже были готовы рвать друг друга на части.

И тут из толпы раздался испуганный крик:

— Хватит орать! Смотрите - Люй Чжи в обморок упал! Помогите!

<http://bllate.org/book/13580/1204873>